

Роберт Скидельски: Европа потерялась в многополярном мире

Лорд Роберт Скидельски обсуждает стратегический вакуум, отчаяние и военную пропаганду в Европе. Ключевая проблема Европы заключается в том, что она не является полюсом в многополярном мире, а всего лишь «дырой». Скидельски — член Палаты лордов Великобритании, почётный профессор политической экономики и автор отмеченной наградами трёхтомной биографии Джона Мейнарда Кейнса. Он начал свою политическую карьеру в Лейбористской партии, был одним из основателей Социал-демократической партии и занимал должность представителя Консервативной партии по вопросам казначейства в Палате лордов, пока не был уволен за своё несогласие с бомбардировкой Косово НАТО в 1999 году. С 2001 года он заседает в Палате лордов как независимый член. Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glennbiesen.substack.com/> X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glennbiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glennbiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Добро пожаловать снова. Сегодня с нами Роберт Скидельски — член Палаты лордов Великобритании, почётный профессор политической экономики и один из ведущих, если не главный, исследователь Джона Мейнарда Кейнса, автор знаменитой трёхтомной биографии. Спасибо, что нашли время; рад снова вас видеть. Мне всегда приятно вас слушать. Итак, теперь мы видим, что эта европейская война длится уже четыре года. Конечно, некоторые скажут, что двенадцать, если считать с 2014 года, но, по крайней мере, последние четыре года — это очень интенсивная, масштабная война в самом сердце Европы.

И кажущаяся готовность перейти к прямой войне с Россией, которая, похоже, растёт с каждым днём — независимо от возможности ядерного конфликта — выглядит немного иррациональной и странной. И всякий раз, когда их просят объяснить свою позицию, мы часто видим, что наши политические лидеры убедили себя, будто сражаются с современным Гитлером, решившим завоевать Европу, и что любая дипломатия в этом случае будет фактически умиротворением. Я... я хотел спросить, наблюдая за этим уже четыре года — не только за тем, что происходит на земле, но и за тем, что происходит с нашим противником, а также с нами самими — какие у вас выводы и уроки из этой жестокой войны?

#Robert Skidelsky

Ну, я имею в виду, один очевидный момент заключается в том, что это война манипуляций в СМИ, как вы, кажется, сказали в своём выступлении в Совете Безопасности ООН. Манипуляции в СМИ — это центральный элемент всей ситуации. Они создают нарративы, из которых вырастают действия. И на российской стороне очевидно много манипуляций в СМИ — это не демократия, там нет того, что мы называем свободой прессы. Но мы ожидаем более высоких стандартов с нашей стороны — и не получаем их. На самом деле, существует огромное количество самоцензуры во всех СМИ, и политики питаются этой атмосферой. Между ложью СМИ и ложью политиков существует симбиотическая связь. И эта атмосфера затягивает войну. Она делает почти невозможным разговор с другой стороной, попытку понять её точку зрения. А это делает переговоры чрезвычайно трудными.

Почти четыре года после 2022-го не было никаких переговоров между европейскими и российскими лидерами. И вот появляется Трамп и «ломает лёд». Внезапно европейские лидеры впадают в панику. Кажется, он отвергает НАТО, кажется, оправдывает Украину — другими словами, полностью переворачивает ту картину, которой наши лидеры придерживались последние четыре года. Так что же им делать? Вот где мы сейчас находимся. И это очень, очень... ну, я не знаю. Мы занимаемся прогнозами, пытаемся понять, какое развитие событий может быть вероятным в ближайшие шесть месяцев. И на самом деле мы не знаем. Я желаю Трампу удачи. Надеюсь, у него всё получится, и нам удастся договориться о мире. Даже перемирие было бы лучше, чем продолжение, потому что, конечно, ущерб, человеческие потери и разрушения, причинённые этой войной, колоссальны.

#Glenn

Ну, для меня тоже, я думаю, что эта пропаганда — самая интенсивная и беспрецедентная за всю мою жизнь, по крайней мере. Мне кажется, многие люди неправильно понимают, что такое пропаганда. Они, похоже, считают, что это только дезинформация или ложь. По сути, всё восходит, как мне кажется, к идеям Зигмунда Фрейда. Он ввёл понятие групповой психологии, которая является очень базовой для человеческих инстинктов. То есть это также лежит в основе социологии. Есть внутренняя группа — «мы» — и внешняя группа — «они». И если удаётся манипулировать этим как противостоянием хороших и плохих, то сама реальность уже не имеет большого значения.

Потому что если хороший человек делает что-то плохое, то, знаешь, по крайней мере, это ради чего-то хорошего. Если же плохой человек делает то же самое, то это зло. Так что мы вторгаемся ради свободы, а наши противники делают то же самое ради империи. Что интересно в Зигмунде Фрейде, так это то, что его племянник, Эдвард Бернейс, по сути, взял все эти уроки о психологии масс. Это стало основой литературы политической пропаганды, где он использовал психологию масс, чтобы подавить рациональные соображения отдельного человека. Сам Геббельс, из нацистской Германии, основывал свои идеи на Эдварде Бернейсе. И, знаешь, тогда всё просто: если твой враг — зло, то даже твоя ненависть добродетельна. Да, даже твоя ненависть добродетельна.

#Robert Skidelsky

Конечно. Я имею в виду, Геббельс — думаю, на него повлиял ещё один фактор, а именно Британия, британская пропаганда времён Первой мировой войны. Немцы, оглядываясь назад в 30-е годы, считали её блестящей и именно той моделью, на которую стоит равняться. Ведь британцам удалось приписать немцам всевозможные зверства — многие из них были связаны с монахинями. Речь шла о бельгийских монахинях, которых, как утверждалось, изнасиловали немецкие солдаты. На самом деле этого не было, но эффект был невероятно сильным. И Геббельс подумал: вот она, идеальная модель. А слово «пропаганда» — интересное, не правда ли? Ведь само по себе оно безобидно. Оно происходит от «распространять», а распространять — значит просто продвигать какую-то идею.

Это значит распространять точку зрения. В этом нет отрицательных коннотаций — это просто как продвигать идею. У тебя есть мысль, ты хочешь её распространить, донести до других. Но потом появилось слово «пропаганда», которое стало означать ложь. И именно так его обычно понимают сегодня. То же самое произошло со словом «риторический». Раньше это было хорошее слово — оно просто означало искусство убеждения. Но теперь оно тесно связано с ложью, с разжиганием эмоций с помощью ложных аргументов. И так происходит постоянно. Сможем ли мы когда-нибудь вернуться к тому времени, когда действительно понимали, что говорит другая сторона и в чём заключается её проблема?

Сможем ли мы когда-нибудь вернуться к этому? Или мы навсегда застряли в этом круге лжи, без выхода — кроме, конечно, какого-то катаклизма, к которому они, возможно, нас и ведут? Я не знаю ответа. Я надеюсь, что найдётся достаточно людей. Но то, что угнетает меня в Европе, — это почти полное единодушие воинственного духа, убеждённость в том, что мы находимся в каком-то состоянии войны с Россией, что Россия развязала эту войну и что, если Россия не будет побеждена, то будем побеждены мы. Будущее безопасности и мира в Европе исчезнет. Таков нарратив. И разрыв между реальностью и этим нарративом становится всё больше с каждым днём.

Любопытно, что риторика становится ещё более воинственной по мере того, как Соединённые Штаты уходят или пытаются уйти с арены — ведь, по крайней мере, США в какой-то степени накладывали определённые рамки реализма. Но теперь, когда этого больше нет, они чувствуют, что могут говорить всё, что угодно, обещать всё, что угодно. Борис Джонсон несколько дней назад заявил, что британцы — или НАТО — должны направить войска на Украину, потому что это даст Украине желаемые гарантии. Но теперь подобные высказывания звучат повсюду; больше нет американца, который бы это сдерживал. Раньше им приходилось согласовывать свои слова с тем, что говорил Байден или Обама, а теперь внешних ограничений нет, и они могут говорить всё, что им вздумается — что значительно расширяет пространство для лжи.

#Glenn

Я заметил, что в большинстве интервью и дебатов, когда заходит речь — будь то о Ближнем Востоке или о войне, которую мы сейчас ведём с Россией, — общий вопрос всегда один и тот же. Если речь о Ближнем Востоке: «Вы осуждаете Хамас?» Если здесь: «Вы осуждаете полномасштабное вторжение России?» И дело не в том, что эти вещи не заслуживают осуждения. Просто создаётся ощущение, что цель — лишь установить некий моральный ориентир: давайте начнём разговор с того, чтобы определить, кто хороший, а кто плохой. Кто жертва? Кто агрессор? И если мы сузим дискуссию до этого, тогда можно говорить дальше. Но стоит кому-то предположить, что всё немного сложнее, что ничего из этого не произошло в вакууме, — это тут же воспринимается как попытка оправдания.

Но для меня это очень странно, потому что если не признавать, что у другой стороны есть законные опасения, на которые она реагирует — если всё объяснять лишь враждебностью, если считать, что они просто злые, — то вывод всегда один: никакой дипломатии быть не может, их нужно только победить. Почему, по-твоему, сейчас всё стало именно так? Раньше ведь было не так. Раньше мы могли обсуждать, например, какие у Советского Союза были соображения безопасности. Если мы разместим ракеты здесь, не почувствуют ли себя советские лидеры под угрозой? А сегодня я ничего подобного не вижу. Мы никогда не обсуждаем Китай, Россию, Иран — никого, к кому нам велят относиться отрицательно. Мы не обсуждаем их безопасность, будто мы всегда сила добра. Ничего из того, что мы делаем, не может им угрожать, верно? Почему это так трудно? Для меня это очень озадачивающе.

#Robert Skidelsky

Это потому, что мы победили Россию в холодной войне. Всё просто. Была холодная война, в которой существовал баланс между двумя системами — если говорить в общих чертах, то это верно. Затем одна из систем рухнула, и, следовательно, мы оказались наверху. Добро восторжествовало над злом; свобода победила автократию. А теперь русские пытаются повернуть время вспять. Именно так мы это воспринимаем. История высказалась в пользу свободы, миропорядка, основанного на правилах, и всех хороших вещей. А теперь эти страны — две, три или четыре — пытаются пересмотреть этот вердикт. Единственный способ это объяснить — считать их реакционными и злыми силами, а себя — теми, кто пытается утвердить одержанную победу. Думаю, именно поэтому возникает такая картина — это непосредственная причина этого нарратива.

Мы не можем смириться с тем, что был момент слабости со стороны России — огромной слабости — и что Китай тогда ещё не стал таким сильным. Был однополярный момент, когда это могло возникнуть, и можно было мыслить мир в этих категориях. Но как только побеждённые или развивающиеся страны набрали больше силы, они не собирались это принимать, и тогда начали говорить о многополярном мире, который, в сущности, является современным выражением системы сбалансированных сил. Но мы не могли это принять,

потому что мы были «хорошими парнями». Они не заслуживали никакого учёта — им требовалась смена режима, чтобы и они стали «хорошими парнями». И тогда война больше не было бы. Теперь можно сказать, что никто с хоть какой-то долей разума не мог поверить в этот нарратив. Конечно, любой, у кого есть хоть немного ума и знаний, не мог бы в это поверить — и всё же наши элиты, похоже, преданы этой идее. Я не утрирую их слова. Вы это знаете.

Вы сами всё это прочитали. Это не карикатура — это действительно то, что они говорят. И я могу объяснить это только какой-то самоуверенностью, но также, думаю, невежеством — настоящим невежеством. Неспособностью говорить на других языках, отсутствием понимания того, как китайские лидеры или китайцы, индийцы, русские могут воспринимать мир. Это очень опасно. Это очень опасно, потому что раньше было не так важно, если ты не понимал, о чём думают другие люди, ведь оружие, которым ты располагал, было довольно ограниченным. Теперь же оружие, которым ты располагаешь, может уничтожить мир.

Поэтому крайне важно понимать, как мыслит другая сторона, и пытаться выстраивать с ней отношения. Но мы просто не позволяем этому происходить. Посмотрите на наши спортивные бойкоты — на все способы, которыми мы стараемся прервать культурные и спортивные связи, будто бы это... Но зачем мы это делаем? Потому что это часть битвы добра со злом. Если мы будем продолжать эти усилия, злые режимы рухнут, и тогда мы сможем начать говорить с хорошими парнями. Но они не рухнут. И ещё одна поразительная вещь, происходящая в нашей прессе, — это громкие заявления о том, что Россия проигрывает войну в Украине.

До недавнего времени считалось, что у Украины дела идут не слишком хорошо за последний год или около того. Но в последнее время тон изменился. Думаю, ты, вероятно, следишь за этим внимательнее, чем я, но по мере того как ситуация в Украине становилась всё более отчаянной, риторика сместилась: теперь говорят, что это Россия рухнет — её экономика разваливается, солдаты массово дезертируют, и Украина, получив ещё немного помощи от нас, переломит ход событий, после чего Россия падёт. Вот что мы сейчас утверждаем. Это ложь? Это сознательная ложь? Те, кто это говорит, действительно в это верят? Мне трудно ответить на эти вопросы.

#Glenn

Похоже, чем хуже идут дела на поле боя, тем сильнее им нужно менять повествование, чтобы сохранить поддержку общества. Но мы всё дальше и дальше уходим от реальности.

#Robert Skidelsky

Вы видели те немецкие кинохроники? В 1944 году или около того — официальные немецкие хроники — когда им приходилось изображать, будто они выигрывают все эти сражения, хотя на самом деле они всё проигрывали, просто чтобы поддерживать дух народа. Я могу понять,

когда официальное правительственное ведомство выпускает подобные материалы. Чего я не совсем понимаю, так это почему так мало журналистов это ставят под сомнение. Как вы это объясните? Вы упомянули в своей речи — вы уже говорили об этом раньше — как мало людей в интеллектуальных, академических, политических кругах действительно выдвигают, как нам кажется, вполне разумные аргументы, направленные на прекращение войны. Почему так? У меня нет объяснения.

#Glenn

Мне кажется, люди больше не воспринимают реальность как нечто, обладающее собственной ценностью. Или, может быть, они просто уверены, что сражаются за правое дело. Особенно в Европе распространена идея, что реальность — это социальная конструкция: если мы скажем, что санкции не работают, то люди перестанут их поддерживать, и они действительно перестанут работать. Если мы скажем, что Украина проигрывает, то люди не захотят отправлять больше оружия, начнут призывать к дипломатии — и тогда война закончится. По сути, это своего рода логика «притворяйся, пока не получится».

И поэтому, как мне кажется, люди воспринимают это как способ выразить свою преданность делу — продолжая делать вид, что чего-то не существует. И со временем, с моей точки зрения, это становится мрачным, потому что это означает, что мы не можем сообщать о массовых жертвах в Украине, ведь это может привести к тому, что люди перестанут поддерживать войну. Так что, чтобы быть «проукраинскими», мы должны игнорировать все ужасные вещи, которые происходят — жестокий призыв, массовую гибель людей. На всё это мы должны закрывать глаза, потому что, как считается, именно так Украина сможет выиграть войну: притворяясь, будто всё идёт хорошо. Но, опять же, это очень мрачная вещь.

#Robert Skidelsky

Какова наша позиция по отношению к войне? Я имею в виду, то, о чём вы говорите, — это участие в войне. А если вы находитесь в состоянии войны, то, разумеется, национальное единство выходит на первый план. Нужно поддерживать союзников, потому что вы сражаетесь за общее дело. Но мы-то на войне? То есть... на самом деле мы не на войне. Мы не находимся в ситуации, которую я бы назвал войной. Это уж точно не так в классическом смысле. Норвегия воюет с Россией? Британия воюет с Россией? Я этого не вижу. И всё же язык, которым мы пользуемся, — это язык войны. И вот это требует объяснения — почему мы считаем, что находимся в состоянии войны с Россией, или почему считаем, что Россия воюет с нами.

Наше повествование заключается в том, что, вторгшись в Украину, Россия объявила войну Европе. Это не было официальным объявлением войны — не было слов «мы объявляем вам войну», — но по сути именно это и происходило. Россия объявила войну Европе. Она начала войну против Европы, а не против Украины — против Европы. И поэтому, если она не будет

побеждена в Украине, она продолжит свою войну против Европы. Так какова же наша позиция по отношению к Украине? Мы не связаны с Украиной никаким военным соглашением. Украина формально не является нашим союзником, но мы обращаемся с ней как с частью нашей военной структуры. И, следовательно, мы не нейтральны. Полагаю, старый термин для этого — «соучастник в войне».

Я имею в виду, это было похоже на термин, использовавшийся в отношении Америки в 1941 году, до её вступления в войну. Она была со-воюющей стороной — не совсем в состоянии войны с Германией, но почти. И, думаю, именно так мы воспринимаем наши отношения с Украиной. Мы — со-воюющая сторона. Проблема с со-воюющими сторонами в том, что это крайне, крайне провоцирует другую сторону, которая всегда чувствует, что сражается не только с формальным противником, но со всем континентом. И потому опасность эскалации может быть весьма велика. Я бы предпочёл, чтобы мы были нейтральными, на самом деле — ну, нейтральными. Говорю ли я это с полной убеждённостью? Возможно, нет. Но, во всяком случае, более нейтральными, чем мы сейчас. Не союзниками.

#Glenn

Вот почему я говорю, что важно поставить себя на место другой стороны. Когда смотришь Мюнхенскую конференцию по безопасности, я слышал, как премьер-министр Дании говорил, что нам следует отправить ракеты большой дальности, чтобы наносить удары вглубь России. А потом я услышал, как канцлер Германии сказал: «Мы нанесли России неисчислимы потери и жертвы. Мы остановим Россию». Русские это видят. Они знают, что именно мы помогаем в гибели тысяч их людей. Так что в какой-то момент, знаете, давление начнёт нарастать и на них.

Почему? Почему им позволили — почему европейцы могли принести войну в Россию, а мы не можем принести её в Европу? Я имею в виду, когда такие голоса начинают звучать громче, всё может стать очень опасным. Да, но я хотел спросить о том, что вы сказали раньше. Вы упомянули, что мы выиграла холодную войну, мы победили — ну, вы знаете, крах коммунизма. Конечно, можно так сказать, но это вызывает вопрос: интересно, в какой степени мы живём в двух разных мирах по сравнению с русскими. Потому что я раньше спрашивал своих студентов: когда закончилась холодная война?

И я думаю, что это важный вопрос, потому что, знаете, если вы ответите, что это 1989 год, когда они встретились на Мальте и объявили о конце холодной войны, то это был конец переговорного процесса между Советами и американцами. Мы, по сути, да, поставили бы на этом точку. То есть снова — мир через дипломатию. Но если вы скажете, что это 1991 год, когда ровно через два года распался Советский Союз, то вы утверждаете: вот противник, который был побеждён. Иными словами, мир пришёл через победу. Мы победили своего врага. Это два совершенно разных послания.

Я знаю, что люди вроде Джека Мэтлока очень обеспокоены тем, что мы могли извлечь неправильные уроки. Но в любом случае, если потом расширять НАТО — если считать, что холодная война закончилась в 1989 году — мы их предали. Мы ударили русских в спину. Они были слабы, ослабили бдительность, а мы начали продвигаться к их границам. Если же считать, что всё произошло в 1991 году, с распадом Советского Союза, то российское возражение против расширения НАТО означает, что они, по сути, оспаривают право победителя диктовать новую архитектуру безопасности Европы. Так что, возможно, мы просто говорим на разных языках, когда обсуждаем, кого считать агрессором.

#Robert Skidelsky

Да, я думаю, у русских была иллюзия. То есть, если смотреть на это совершенно реалистично, не было никакой возможности, чтобы Россия смогла выдержать стратегический и экономический конфликт с Соединёнными Штатами, имея лишь четверть ВВП США. Это было невозможно. Нагрузка на систему становилась слишком большой, а сама система не улучшалась, как в Китае. Китай мог сказать: хорошо, мы растём на 5%, 6% или 7% в год, и, следовательно, через 10 лет мы сможем продолжать делать то, что делаем сейчас, и позволить себе это. Но экономика России в 1980-х годах на самом деле была довольно застойной.

А потом у них было это огромное военное соперничество с Соединёнными Штатами, и Рейган всё испортил — или, скорее, довёл до конца. Так что они оказались в беде. А затем, конечно, они сильно пострадали, косвенно, от обвала цен на нефть в середине 1980-х, что разрушило многие надежды Горбачёва. Теперь это выглядит реалистично. И те, кто воспользовался этим — кто получил от этого выгоду — были, конечно, восточноевропейцы и Запад в целом. Было ли это поражением России или переговорным урегулированием? Лично я не думаю, что имеет большое значение, берём ли мы 1989, 1991 или 1992 год. Запад тогда задавал тон.

И они могли бы быть щедрее, могли бы проявить больше понимания, но они поступили довольно безжалостно. А потом они нарушили данные обещания, как вы справедливо заметили. Горбачёв пообещал согласиться на объединение Германии при условии, что объединённая Германия не станет частью НАТО. Это было обещание. Но, конечно, нельзя сказать, что оно не стоило бумаги, на которой было написано — ведь оно вообще не было записано на бумаге. Но оно всё равно ничего не стоило. Это было что-то вроде: «Да, давайте запустим этот процесс, скажем то и это», — и никто всерьёз не собирался делать это обязательным. А потом они представляют дело так — русские, конечно, вынуждены это делать — будто это было великое предательство добровольного соглашения.

Вот здесь и появляется элемент обмана — самообмана. Конец холодной войны был не совсем добровольным соглашением. Мне действительно интересно узнать ваше мнение, потому что именно здесь вступают в игру нарративы — мы могли бы попытаться приблизиться к какой-то реальности внутри этого нарратива. Дело не в том, что они не могли воевать; русские могли

бы, так или иначе. Их не победили так, как нацистскую Германию в 1945 году. Их даже не победили так, как Германию в 1918-м. Им не пришлось просить о мире. Но они оказались проигравшими, и в этом смысле логика победителя взяла верх.

Причина, по которой победителям следовало быть очень осторожными в этих обстоятельствах, заключалась в том, что российская экономика, или российское общество, было гораздо более устойчивым, чем им приписывали, и что оно восстановится. А когда оно восстановится, тогда и возмездие не будет хромать, как писал Кейнс в 1918 году. Именно это и произошло — возмездие пришло. Мы должны были быть достаточно умны, как вы сказали, чтобы учитывать вопросы безопасности Европы после окончания холодной войны и построить европейскую систему безопасности, которая обеспечивала бы безопасность и России, и Европе одновременно. НАТО стало неактуальным. Холодная война закончилась. Нельзя просто продолжать расширять НАТО. Если вы продолжаете расширять НАТО, что вы этим заявляете? Вы говорите: «Мы выиграли холодную войну».

#Glenn

Ну, то, что вы говорите — и что мы тоже говорим — очень похоже на то, что говорил Джордж Кеннан, потому что он указывал, что, расширяя НАТО, мы создаём архитектуру безопасности, основанную на идее, что русские будут вечно слабыми. Но опять же, если у вас есть самая большая страна в Европе по территории и населению, что произойдёт, когда она начнёт восстанавливаться? Сам факт её восстановления уже будет почти ревизионистским, потому что она не впишется в эту новую Европу. Я, честно говоря, никогда не видел серьёзного объяснения того, как это вообще должно было работать.

Как получилось, что единственная страна в Европе, которую якобы не считают частью Европы, теперь обладает самой большой территорией, численностью населения, экономикой и армией? В какой-то момент это перестаёт быть рецептом стабильности. Но вот по этому поводу — вы недавно написали статью о том, стоит ли Европе перевооружаться, и мне хотелось бы, чтобы вы подробнее раскрыли этот аргумент. Потому что я вижу обе стороны. С одной стороны, европейцам нужна безопасность, особенно если Америка собирается сменить направление; нам нужна определённая стратегическая автономия. С другой стороны, это сопряжено с большими затратами. Как вы на это смотрите?

#Robert Skidelsky

Ну, я думаю, что европейцы оказались в затруднительном положении. С одной стороны, они чувствуют, что сталкиваются с российской угрозой. С другой стороны, им кажется, что Соединённые Штаты оставят их на произвол судьбы. Недавно британский военный командующий — кажется, глава Объединённого комитета начальников штабов — сделал очень интересное замечание. Он сказал, что главный страх заключается в том, что Америка не придёт на войну. Теперь разберём это: Америка не придёт на войну. Это мышление

действительно требует серьёзного анализа. Во-первых, предполагается, что война вообще будет, а во-вторых, что Америка останется нейтральной — что она будет против Европы, а не на стороне Европы. Так что же делать? Нужно перевооружаться. Впрочем, аргументы в пользу перевооружения существовали и раньше, возможно потому, что большинство стран НАТО — да, фактически все страны НАТО — были протекторатами Соединённых Штатов.

И как только Соединённые Штаты заявили: «Мы не собираемся тратить все эти деньги на вашу защиту», им, очевидно, пришлось позаботиться о собственной обороне и увеличить военные расходы. Я не против самообороны — кто может быть против самообороны? Если только вы не абсолютный пацифист, у вас должны быть средства, чтобы защитить себя. Но в чём заключалась угроза? Разумная угроза состояла в том, что Соединённые Штаты прекратят защищать Европу — своё обязательство по обороне Европы в прежних масштабах. Это была настоящая угроза, которая и должна была вызвать перевооружение. Но реальной угрозой, на которую ссылались, была Россия, представляющая якобы немедленную опасность, и нам нужно было перевооружаться, чтобы остановить Путина. Вот ложный нарратив, лежащий в основе перевооружения.

Это совершенно неправда. И каждый день вы это слышите — поразительно, что они говорят. Что я только сегодня прочитал? Ах да, что Россия якобы отправляет шпионов в Британию под видом нелегальных иммигрантов. Эти нелегальные иммигранты на самом деле русские шпионы, которые проникают в британское общество. История за историей — типичные военные байки. И всё это остаётся без проверки, потому что нельзя ничего сказать против. Но, как мне кажется, именно в этом корень проблемы переориентации. И, насколько я видел в обсуждениях, европейцы перевооружаются против России. Американцы же, напротив, воспринимают Европу скорее как врага. Они не беспокоятся о России. То есть, Соединённые Штаты не считают Россию угрозой.

На самом деле, в Стратегическом документе США от ноября 2025 года речь шла о Европе. И некоторые люди в Америке считают, что Британия является главным препятствием для планов Трампа попытаться достичь соглашения с Россией. Так кто же враги? Против кого мы перевооружаемся? Снова провал нарратива. Слова, слова, слова. Вы используете слово, цитируете людей — «мы, мы, мы». Кто такие «мы»? Это не анализируется. Затем второе слово: «соразмерно». Мы должны реагировать соразмерно. Что значит «соразмерно»? Конечно, между тем, чтобы просто лечь и тем, чтобы перейти все границы, существует множество возможных реакций, которые могут быть вполне соразмерными. Но то, как мы используем это слово, очень удручает, потому что, как только вы назвали свою реакцию соразмерной, можно больше не думать.

#Glenn

Мне просто кажется, что нужно убрать из этого всю моральную позу. Потому что если немного отстраниться, можно увидеть определённую рациональность в действиях всех сторон. Для

Соединённых Штатов это, в общем-то, логично, если мы приспосабливаемся к многополярному миру. Не хочется быть привязанными к Европе, когда есть желание сосредоточиться на Западном полушарии и Восточной Азии. И дело не только в том, что США связаны Европой из-за войны в Украине — это ещё и толкает Россию к их основному конкуренту, то есть Китаю. Так что в этом есть своя логика. И я понимаю европейцев тоже: если они победят Россию, то, возможно, Америка останется, и у них будет поддержка США.

И перед вами окажется мощный, закалённый в боях украинский щит. Так что внезапно всё выглядит не так уж плохо. Если бы они потерпели поражение, американцы собрали бы вещи и ушли, и Украина больше не была бы мощным щитом против России — ни в обороне, ни в наступлении. И тогда весь проект создания Европы без русских оказался бы завершён, потому что Россия вновь заявила бы о себе в Европе. Но... но, мне кажется, мы теряемся во всех этих военных историях. Зачем притворяться, будто Россия собирается маршировать на Париж? И зачем делать вид, что их заветная цель — поглотить всю Украину? В итоге, как мне кажется, мы просто раздуваем угрозу и принимаем крайне иррациональные решения.

#Robert Skidelsky

Ну вот, говорит человек разума — это вы. И всё же приходится, и мне приходится, задавать вопрос: почему нас так мало? Думаю, возможно, благодаря вашей программе и другим, наблюдается некоторый рост того, что я бы назвал разумным мышлением. Но в Англии очень, очень трудно найти какое-либо значительное его проявление. У меня есть ещё один интересный вопрос, о котором, возможно, стоит поговорить немного. Что происходит? Что означает Трамп? И, на мой взгляд, я понял это на днях, когда читал одну вещь — это не отход от империализма; это возвращение к империализму.

Это отход от идеи быть «мировым полицейским» — занимать гегемонистскую позицию — к роли полицейского лишь в одной части мира, тогда как другие страны следят за своими регионами. Всё это довольно запутанно; это своего рода камуфляж; концепция не проработана последовательно. Возможно, она более развита в «Обзоре стратегической обороны», чем в других документах, но всё же остаётся непоследовательной. И она заложница одной вещи: идеи доктрины Монро и региональной гегемонии. Это связано с Израилем, и именно поэтому Америка находится на Ближнем Востоке — потому что не может избавиться от ответственности за этот регион. Таков замысел.

Извините, я немного отвлекусь на собственную тему, но мне очень интересно понять, что происходит, потому что я вовсе не считаю, что Трамп — безумец, который всё разрушает, потому что не способен ясно мыслить. Я думаю, он мыслит совершенно ясно и считает, что Америка должна сократить свою роль ответственного лидера и сосредоточиться на определённых вещах. Вот что происходит. Европа, которая полагалась на этот американский «зонтик», оказывается, по сути, в подвешенном состоянии. Как ей действовать правильно — чтобы защищать себя, защищать своё экономическое процветание, сохранять не лидерство, но

силу в области искусственного интеллекта и новых технологий? Во всём этом она оказывается недостаточно подготовленной.

#Glenn

Нет, я думаю, что также опасно списывать Трампа на безумца. У меня в подкасте был Джордж Биби, бывший директор ЦРУ по анализу России. И он подробно объяснил политику Трампа, представив её как вполне рациональную — рациональную, потому что многое из того, что сейчас делает США, связано с осознанием того, что прежний мировой порядок больше неустойчив. Ведь в здравом ли уме можно считать, что он может продолжаться, когда на фоне роста других крупных держав они коллективно уравнивают влияние США, стремящихся сохранить своё гегемонистское положение?

Между тем экономика США явно показывает слабые результаты с точки зрения уровня долга. Мы видим, что она подходит к пределу — невозможно игнорировать реальность так долго. А реальность такова, что мир стал многополярным в распределении силы. Нельзя расставить приоритеты во всём сразу; если пытаешься, значит, приоритетов нет вовсе. Нужно выбирать регионы, наиболее стратегически важные для тебя, и союзников — исходя из того, кто способен усилить твоё влияние. И реальность, сказал он, заключается в том, что Европа потребляет много ресурсов и всё чаще воспринимается американцами как издержка. И это кажется вполне справедливым.

#Robert Skidelsky

Но Европа не может собраться, чтобы стать одним из полюсов по-настоящему, верно? Я имею в виду, легко говорить о Китае как о полюсе. Легко говорить об Америке как о полюсе. Эти два можно рассматривать как два полюса. Россия, возможно, тоже полюс, потому что у неё огромный ядерный потенциал. Но Европа — это своего рода дыра. Это не полюс, а дыра. И в эту дыру уходят всевозможные страхи, истерики и тому подобные вещи. Думаю, в этом и заключается проблема Европы — какова её роль в этом многополярном мире? Какое у неё место в этом многополярном мире? Очевидно, именно об этом говорил Марк Карни в своей речи в Давосе.

Об этом упоминал Мерц. Все они говорят о крахе старого мирового порядка. Но когда они доходят до этой точки, они, во-первых, не дают точного определения тому, что представлял собой старый мировой порядок. Они немного говорят о порядке, основанном на правилах, но при этом не утруждают себя объяснением, что именно Америка была гарантом любых правил, существовавших в этом порядке. Они также не говорят, что придёт на смену этому порядку, основанному на правилах. Они не используют слово «многополярность». Я не слышал — может, я ошибаюсь — но я не слышал, чтобы какой-нибудь действующий европейский лидер употреблял выражение «многополярный мир».

#Glenn

Это весьма показательно для стратегического вакуума, в котором они действуют — если ты не можешь распознать распределение власти как основную структуру, в рамках которой нужно себя корректировать. В любом случае, я знаю, что нам сегодня предстоит многое обсудить, так что не буду тебя задерживать. Большое спасибо, что уделил время.

#Robert Skidelsky

Какой интересный разговор для меня. Мне нравится с тобой разговаривать. Ладно.

#Robert Skidelsky

Удачи.

#Glenn

И тебе.